

Ева Арк

Любовь братьев Медичи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А82

А82 **Арк Е.**
Любовь братьев Медичи / Ева Арк – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2026. – 218 с.

ISBN 978-5-524-00059-0

Братья Лоренцо и Джулиано Медичи преклонялись перед красивыми женщинами, которые часто отвечали им взаимностью. Их любимых прославили в своих бессмертных произведениях многие деятели Ренессанса. Но судьба этих женщин часто была трагичной, как и самих Медичи, втянутых в смертельную схватку за власть...

ISBN 978-5-524-00059-0

© Lennex Corp, 2026
© Е. Арк, 2026

Ева Арк

Любовь братьев Медичи

УДК 82-3
ББК 84-4
А82

Арк Е.

А82 Любовь братьев Медичи / Ева Арк. – М.: Литнет, 2026. – 218 с.

ISBN 978-5-524-00059-0

Братья Лоренцо и Джулиано Медичи преклонялись перед красивыми женщинами, которые часто отвечали им взаимностью. Их любимых прославили в своих бессмертных произведениях многие деятели Ренессанса. Но судьба этих женщин часто была трагичной, как и самих Медичи, втянутых в смертельную схватку за власть...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00059-0

© Литнет, 2026
© Арк Е., 2026

Глава 1. Отпрыски славного рода

И кто на свете Медичи не знает,
Покрыт старинной славой этот род!
Как свет, великий Козимо сияет,
Он дочерью Италию зовёт!
Пьеро отцову доблесть почитает,
И он не чудом ли в ненастный год
Смог исцелить своей отчизны тело
От ярости и злобы закоснелой?
Вторым от благороднейшей Лукреции
Рождён был Джулиано, первым – Лавр...

Всего в нескольких строках своей поэмы «Стансы на турнир» Анджело Полициано, итальянский поэт XV века, ухитрился описать три поколения флорентийских правителей Медичи. Под «Лавром» же выведен его близкий друг Лоренцо Великолепный. Писатель Никколо Макиавелли, тоже уроженец Флоренции, называл самого великолепного из Медичи «необычайно увлечённым чувственными делами». Ему вторил земляк, историк Франческо Гвиччардини: Лоренцо был «сладострастен и весь во власти Венеры... что, по мнению многих, так ослабило его телесно, что он умер, можно сказать, молодым».

Однако сам некоронованный правитель Флоренции в комментариях к своим любовным стихам совершенно искренне заявлял:

– Признаюсь, что я из тех, кто любил чрезвычайно часто, и, однако, как любовник, рассуждая здраво, должен был сомневаться более, чем надеяться; прибавлю также, что за всю свою жизнь, хотя и получил я более почестей и отличий, чем мне подобало, но мало утех и мало моих желаний исполненными увидел.

Лоренцо Медичи считался самым безобразным человеком в Италии. И, в то же время, его прозвали: «Великолепным». Он был одним

из «крёстных отцов» прекрасной эпохи Возрождения или, по-итальянски, Ренессанса. Ну, и вдобавок ещё прославился как мудрый государственный деятель: в период его правления, в 1469–1492 годах, Флоренция достигла наибольшего культурного расцвета. Раскинувшись на двух берегах реки Арно, она оправдывала своё название: «Цветущая» и позиционировала себя как купеческая республика.

По легенде, Медичи начинали как простые аптекари (недаром их родовое имя в переводе «Врачи») и поднялись на продаже пилюль и специй, привозимых с Востока. Вот откуда шары на их гербе! Но сами Медичи были с этим не согласны:

– Пять красных шаров – это вмятины на щите, нанесённые побеждённым гигантом Муджелло нашему предку, рыцарю Аверардо Медичи, который прибыл с Карлом Великим в Италию и осел здесь.

Хотя существует другое мнение, что шары – это монеты, так как вопреки своей фамилии предки Лоренцо занимались ростовщичеством, и это позволило Джованни Медичи, основателю рода, открыть банк во Флоренции. Постепенно банк Медичи, имевший девиз: «С нами Бог и Удача», обзавёлся филиалами во всех крупных городах Западной Европы. Помимо оказания обычных банковских услуг, они выполняли всевозможные поручения своих клиентов, поставляя гобелены, священные реликвии, лошадей и рабов, расписные панно с ярмарок в Антверпене, мальчиков-певчих из городов Дуэ и Камбре для капеллы Латеранского храма в Риме и даже, однажды, жирафа. Не говоря уже о торговле шёлком, шерстью и другими тканями, а также всевозможными специями, сахаром, оливковым маслом, цитрусовыми, миндалём, мехами, ювелирными изделиями и, конечно, квасцами – минеральной солью, необходимой для производства красителей.

Согласно легенде, папа Иоанн XXIII (бывший пират Бальтазар Косса) отдал на сохранение Медичи свою казну, но после его низложения Джованни, якобы, отказался возвращать вклад:

– Я брал деньги у папы Иоанна XXIII и с готовностью верну их ему, но такого папы больше нет.

Возможно, именно пиратские сокровища способствовали повышению дома Медичи.

Сын Джованни, Козимо Старший, купец и банкир, благодаря своим несметным богатствам, стал самым могущественным человеком в Республике.

При нём герб Медичи был уже настолько широко распространён, что один возмущённый современник заявил:

— Он украсил своими яйцами даже монашеские уборы.

(Речь шла о монастыре Сан-Марко во Флоренции, отреставрированном на деньги Козимо). В двадцать пять лет он женился на Контессине де Барди, дочери графа и партнёра его отца, получив за неё в приданое старый родовой палаццо (дворец), располагавшийся на южном берегу реки Арно, где поселился с молодой женой. Малообразованная, но жизнерадостная и домовитая, она прекрасно разбиралась в финансовых делах и управляла имуществом Медичи, когда Козимо был в отъезде. Так, Контессина писала мужу:

— Нынче вечером я получила твоё письмо, и стало ясно, сколько мы задолжали Карреги за вино... Пришло письмо от Антонио Мартелли, он высылает девять тюков льняного полотна; вели, чтобы его держали в сухом месте.

Судя по их письмам, отношения между супругами были довольно нежными, что не мешало Козимо прижить бастарда во время его трёхлетнего пребывания в Риме по делам банка Медичи. Агент купил для него в Венеции рабыню-черкешенку с ярко-голубыми глазами, установив, что она была «здоровой девственницей... и ей было около двадцати одного года». Маддалена (так называли рабыню) родила от своего господина сына Карло, который воспитывался вместе со своими двумя единокровными братьями и впоследствии стал аббатом. Одному из своих друзей, жаловавшихся на падение нравов, Козимо ответил так:

— Развращённый город лучше города погибшего, с чётками в руках государства не построишь.

Его возвышение не нравилось аристократическим семьям Альбицци, Строцци, Питти и другим. По обвинению «в возвеличивании себя выше, чем других» Козимо бросили в тюрьму. На его смертной казни особенно настаивал давний враг Козимо аристократ Ринальдо дельи Альбицци, который ненавидел и презирал безродное семейство Медичи. Козимо удалось изменить смертный приговор на изгнание благодаря взяткам членам Синьории (правительства). Председатель Синьории получил 1000 флоринов, другие – поменьше.

– Дураки, за то, чтобы выручить меня из беды, они могли получить 10 000 или даже больше, – писал Козимо в мемуарах.

И чего добились его враги? Он вернулся с триумфом в 1434 году! С тех пор эта дата считается началом правления Медичи во Флоренции. Правда, Ринальдо дельи Альбицци сдался не сразу и, заручившись поддержкой Паллы Строцци, самого богатого банкира во Флоренции, решился на государственный переворот. Однако в назначенный день Палла привёл вместо 500 обещанных наёмников двух невооружённых слуг и заявил, что передумал, после чего отправился домой. Это не спасло шестидесятилетнего Строцци, как и его приятеля Альбицци, от изгнания и, по утверждению всё того же Макиавелли, с ними «ещё столько других граждан, что мало было городов в Италии, где не обосновались бы флорентийские изгнанники...». Кроме того, в борьбе с оппозицией Козимо добился, чтобы при оценке имущества противников налог намеренно завышался. Враги Медичи разорялись и были вынуждены сами бежать из Флоренции, из-за чего один из самых главных приверженцев Козимо счёл своим долгом сказать ему, что, в конечном счёте, он опустошит город.

– Я предпочитаю опустошить его, нежели потерять, – с приятной улыбкой ответил глава дома Медичи.

Во Флоренции, чтобы сохранить своё богатство и приумножить его, нужно было иметь политическое влияние. Иначе Козимо, вероятно, занимался бы только финансовыми сделками, от которых получал величайшее удовлетворение.

– Если бы можно было раздобыть деньги и имущество с помощью волшебной палочки, я всё равно стал бы банкиром, – частенько приговаривал он.

Своё огромное состояние банкир использовал для того, чтобы завоевать популярность и устроил бесплатную раздачу хлеба в голодный год.

– Отец отечества! – такими восторженными криками встречали Козимо флорентийцы.

Однако он не стремился получить официальный статус властелина города, предпочитая управлять ключевыми политическими фигурами и оставаясь в тени, подобно кукловоду.

– Если Козимо хочет чего-нибудь добиться, то делает всё, чтобы не пробудить чью-то зависть, так, чтобы всем казалось, будто инициатива исходит не от него, а откуда-то извне, – говорили о нём современники.

Исключительно спокойный и доброжелательный человек, он в случае нужды был способен на крутые действия. Некто Бальдаччи, командир отряда наёмников на службе у Республики, начал как-то опасно дружить с его политическими противниками. Узнав об этом, Козимо назначил на пост гонфалоньера справедливости (высшая должность во Флоренции) Бартоломео Орландини, которого Бальдаччи прилюдно назвал трусом.

Когда в 1441 году военачальник приехал во Флоренцию за полагающимися ему по договору деньгами, Орландини вызвал его в здание Синьории и дал условный сигнал убийцам, спрятанным в потайной комнате. Бальдаччи был убит на месте, а его труп выбросили на площадь из окна. Таким образом, Козимо расправился со своим врагом чужими руками.

– Более начитанный, чем обычно бывает у торговцев, – говорил о нём учёный Энеа Сильвио Пикколомини (будущий папа Пий II), презиравший флорентийцев.

Действительно, Козимо знал немецкий, французский и арабский языки, а также латынь, древнегреческий и немного иврит. Он пер-

вым из Медичи стал покровительствовать учёным-гуманистам, которые воспитывали не только его детей, но и внуков. Кроме того, Флоренция обязана ему многими прекрасными зданиями, в том числе, новым дворцом Медичи на углу Виа Ларга, дороги, ведущей от центра города на север. Сначала Козимо хотел поручить его строительство гениальному Брунеллески, накрывшему собор Санта-Мария-дель-Фьоре огромным куполом. Однако деревянная модель дворца показалась банкиру слишком великолепной и вычурной, поэтому он обратился к молодому архитектору Микелоццо, и это настолько разозлило старика Брунеллески, что в приступе ярости он разбил свою модель «на тысячу кусочков». Проект Микелоццо был менее грандиозным и гораздо больше соответствовал вкусу Козимо, который любил повторять: – Зависть – это сорняк, который не следует поливать.

По словам его внука, который однажды заглянул в бухгалтерскую книгу Козимо, на «здания, благотворительность и налоги» была потрачена «невероятная сумма в 663 755 флоринов».

Своим преемником Козимо видел младшего сына Джованни, который был весьма ловок, умён и носился по всей Италии, проверяя бухгалтерию филиалов банка Медичи, ведя переговоры о контрактах и завязывая прямые сношения с клиентами. Свободное время этот толстяк любил проводить за едой и выпивкой и, как и его отец, купил на рынке в Венеции черкешенку-рабыню, «восхитительно хорошенькую девушку лет семнадцати-восемнадцати... с чёрными волосами, тонкими чертами лица, жизнерадостную и умную», хотя обожал свою жену Джиневру дельи Алессандри и их единственного ребенка Козимино. Зато его старший брат, Пьеро, страдал подагрой настолько, что зачастую вообще не мог передвигаться. Правда, в молодости он занимал должность приора (члена правительства), а потом – гонфалоньера, был послом в Милане, Венеции и Париже. Унаследовав отцовский здравый смысл и ясность ума, Пьеро слыл большим знатоком искусства и от имени отца давал заказы художникам.

Несмотря на его болезнь, Козимо решил женить сына на Лукреции Торнабуони, дочке богатого флорентийского купца. Приданое за ней давали не такое уж большое – всего 1900 флоринов, зато Торнабуони были в числе тех семей, которые способствовали возвращению Медичи во Флоренцию. Как и отец, Пьеро слыл хорошим семьянином.

Его жена, некрасивая внешне, но высочайших качеств души и ума, тоже получила прекрасное образование, Свободно говорила на латыни и по-гречески, отлично разбиралась в финансовых делах, в литературе, риторике и теологии. Играла на музыкальных инструментах, танцевала, сочиняла стихи и, кроме того, была отличной хозяйкой.

– Здесь остаётся около двадцати пар «пиппиони» (домашних голубей), – писала Лукреция свекрови с виллы Кафаджоло, – было бы неплохо сбыть их во Флоренции, так как здесь это трата бесполезная.

Она родила мужу шестерых детей, из которых выжило четверо. После двух девочек 1 января 1449 года на свет, наконец, появился долгожданный мальчик, которого называли Лоренцо в честь брата Козимо. Крестины новорожденного наследника отложили на неделю – специально, чтобы дотянуть до Богоявления, одного из самых любимых флорентийцами праздников, когда по улицам шествуют ряженые волхвы. Крестины проходили в церкви Сан-Лоренцо, и в качестве крёстных выступили одноглазый Федерико да Монтефельтро, правитель Урбино, и архиепископ Флоренции Антонино Пьероцци (будущий святой Антонин Флорентийский), старый друг Козимо. По этому поводу были устроены роскошный банкет и раздача хлеба и денег беднякам.

А 25 марта 1453 года на свет появился ещё один мальчик – Джулиано. Если младший был красавчиком, то старший явно удался в мать.

– С виду был слаб и имел уродливый нос, – писал флорентиец Вазари о Лоренцо, – и вовсе не различал запахи. Из-за узости носа голос его всегда казался еле слышен.

Тем не менее, если судить по его изображениям, в молодости наследник Медичи вовсе не был уродлив: тёмные волосы, смышлённый взгляд, нос, правда, «уточкой», но подбородок ещё не слишком выдвинут. К тому же, вместе с невзрачной внешностью Лоренцо унаследовал ум своей матери, особое обаяние и необыкновенную сообразительность. Ещё в раннем возрасте он быстро усваивал науки, как точные, так и гуманитарные, а также древние языки, знание которых было в ту пору обязательным.

Лоренцо свободно владел древнегреческим и латынью, великолепно знал литературу, философию, словесность, обладал поэтическим даром, хорошо (или не очень хорошо?) пел и танцевал, умел играть на нескольких музыкальных инструментах и сочинял музыку к своим стихам. В общем, он получил превосходное гуманитарное образование в новом духе – ни один европейский государь не мог с ним в этом сравниться. Это во многом повлияло на его успехи в дальнейшей жизни. Его первым учителем был опытный латинист Джентиле Бекки (впоследствии епископ Ареццо), научивший Лоренцо любить и понимать поэзию. Стихи он начал сочинять уже с пяти лет и, в отличие от правильной латыни, которую предпочитало большинство, писал на тосканском диалекте.

Как только было закончено строительство дворца Медичи, Лукреция Торнабуони открыла там школу по образцу знаменитого «Дома радости» в Мантуе, которую создала маркиза Паола Малатеста. Учителями стали самые выдающиеся гуманисты того времени: латинский поэт Кристофоро Ландино, философ Марсилио Фичино, учёный грек Аргиропуло и другие. В школе вместе с детьми Лукреции учились и сыновья других знатных и богатых людей Флоренции, например, Гульельмо де Пацци – будущий муж Бьянки де Медичи, старшей дочери Лукреции. Здесь же получил образование будущий муж её младшей дочери – Бернардо Ручеллаи. Таким образом, невестка Козимо мечтала примирить вечно соперничающих между собой флорентийских аристократов. Кроме того, она приглашала талантливых